

АМЕТКИ о коллективе этой лаборатории институтская стенгазета обычно помещала под оригинальным заголовком «Вместе работают, вместе отдыхают».

Что ж, к этому имелись веские основания. У сотрудников лаборатории было принято приглашать на семейные торжества всех сослуживцев. О раздвоенных днях и говорить не приходится: зимой и осенью их справляли поочередно друг у друга на дому, а весной и летом затевали то, что Сергей Модестович Крышечкин именвал коллективной вылазкой на природу.

Застрельщиком таких поездок неизменно был он, Крышечкин. И когда он напомнил сослуживцам, что в ближайшем воскресенье отмечается День геолога, все согласились, что праздник людей столь родственной профессии следует ознаменовать вылазкой, благо бюро прогнозов предсказывало чудесную погоду. В четверг утром Крышечкин подошел к младшему научному сотруднику Семенову, которого за нежный детский румянец на пухлых щеках ласково называли Семушкой:

— Вы, дорогуша, забыли внести денежный пай на вылазку. Ежели у вас на данном отрезке времени туговато с наличными, можете не беспокоиться. У всех у нас в достаточной мере развито, дорогуша, высокое чувство товарищества, и мы...

— Дело не в наличных, — прервал его младший научный сотрудник. — Дело в том, что... что я не поеду. Ко мне приехала сестра. Студентка. На каникулы.

— Ваша сестра — наша сестра! — пылко воскликнул Сергей Модестович. — Хотите, я тут же проведу вселабораторный плебисцит, и вы, дорогуша, убедитесь, что весь наш спаянный коллектив единодушно проголосует за приглашение вашей сестрички на нашу вылазку.

— Нет, нет, — поспешил возразить Семенов. — Катюшу я взять с собой не могу! Крышечкин удивленно поджал губы:

— Бойтесь, вашу юную сестру будут шокировать старинные романсы в замечательном исполнении Ниночки! Или гитары в кандидатских руках уважаемого Ильи Николаевича!

— Не бойсь, Сергей Модестович. Моя Катюша с удовольствием подпеет по вторым голосом. И на гитаре она играет.

— Значит, вы, дорогуша, находитесь предоступительными для вашей сестры танцы под новейшие записи Владимира Марковича?

— Откуда вы взяли?! Моя сестренка так любит танцевать, что... — Не найдя подходящего примера, Семенов помог себе выразительным жестом.

— В чем же, дорогуша, гвоздь?

— В вас. Семенов глядел прямо в глаза Крышечкину. И только детский румянец на щеках сменил бледность.

— Неудачно изволите шутить! — отчеканил Крышечкин подчеркнуто громко.

— Я не шучу. И для объяснения разрешу себе воспользоваться вашей застольной терминологией. Сначала вы на правах заслуженного тамады заставите всех нас опрокинуть по сто граммов, строго предупредив, что каждый, кто не выпьет до дна, публично выразит свое неуважение к героическому труду наших славных геологов. А так как тут же вы провозгласите тост за нашу крепкую научно-производственную спайку с геологами, всем придется дернуть по второй. Третью рюмашку вы предложите тяпнуть за...

— А я уж не разберу, за кого и за что, — неожиданно поддержала Семенова лаборантка Ниночка, — у меня после второй закружится голова. И у вас, Тамара Степановна, тоже, — кивнула она старшей лаборантке.

— Но так как Сергей Модестович у нас человек компанейский и сольных возлияний не признает, — ободренный поддержкой, продолжал Семенов, — он начнет последовательно чокаться с Владимиром Марковичем...

— И вы, Владимир Маркович, — обратился к нему Семенов, — по мягкости характера, как говорят дети, «через не хочу» вынуждены будете проглотить чуток коньячку, хлестануть бокалец вермута, хлебнуть наперсточек беленькой и дерябнуть с уважаемым тамадой толику вишневой настоечки «за милых женщин, прелестных женщин, любивших нас хотя бы раз...». Уложив вас на обе лопатки, наш дражайший тамада хлопнет баночку пойла, именуемого им старколикерным коктейлем «Здоровье», и начнет громогласно рассказывать анекдоты, от которых женщинам придется спасаться бегством. И мы, как обычно, так и не услышим ваших романсов, Ниночка...

— Зато увидим, — откликнулась юная лаборантка, — как Сергей Модестович куржится, наподобие подгулявших купчиков из пьес Островского. — Попрошу меня, дорогуша, литературными образами не подавлять! — с достоинством возразил Сергей Модестович.

— А то получается, — с саркастическим надрывом вскричал Крышечкин, — что не поеду я! Да, я! Веселитесь уж без меня. Пейте детский напиток «Аленький цветочек», а мои жизнерадостные тосты замените выдержками из годового отчета нашей лаборатории.

И, воспользовавшись звонком на обеденный перерыв, с высоко поднятой головой выбежал из лаборатории.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — пританцовывая, проскандировала повеселевшая Ниночка.

— Дорогие друзья, — вновь раздумываясь Семенов, — вы разрешите мне прихватить на вылазку сестру Катю?

— Вы нас безгранично обрадуете, — с необычной для него решительностью выразил общее мнение Владимир Маркович.

— Да-с, давно бы следовало нам так нелицеприятно и напрямик поговорить с Крышечкиным, — удовлетворенно потер руки Илья Николаевич. Пользуясь нашей, можно сказать, мягкотелостью, он отравлял нам все праздники.

— Моя жена, между нами говоря, отказалась даже справлять день рождения, — конфузливо признался Владимир Маркович, — когда я преду-

словно про себя заметил Владимира Маркович.

— И разве мы с Ниночкой сумеем посадить девятнадцать человек в один вагон? — беспомощно развела руками Тамара Степановна.

— Крышечкин почему-то заранее договаривался с проводником — буркнул Илья Николаевич. — Но если наши дамы так боятся вокзальной суетолики, то...

— То вы нам докажете, что не боитесь ее, — насмешливо сверкнула глазами Ниночка.

Старшего научного сотрудника буквально передернуло: — Не угодно ли вам поручить мне заодно и сервировочную, можно сказать, часть?

— Крышечкин почему-то не делал никакой проблемы из ножей и вилок, — вернул Семенов, — а мимоходом заезжал за ними в бюро проката.

— А теперь мы убедительно попросим вас, милый Семушка, заехать в столь любезное, можно сказать, бюро.

Семенов ответил красноречивым взглядом, смысл которого можно было расшифровать так: у меня нет слов для выражения своего возмущения — только потому и не возражаю!

Томительную паузу прервала Тамара Степановна:

— Значит, никто ничего не хочет взять на себя? Так?

ник. — Вы, без пяти минут кандидат наук, прячетесь за спину младшей лаборантки, вместо того чтобы показать ей пример общественного понимания сложившейся обстановки.

— Да, Семушка, — послышался дуэт лаборанток, — вы заварили кашу, вы и расхлебывайте.

Семенов выскочил на середину комнаты:

— Уж не прикажете ли мне извиниться перед Крышечкиным?

— А это не требует особенного выдающегося мужества! — твердо ответила Тамара Степановна. И под одобрительные кивки сослуживцев еще тверже завершила: — Вы, товарищ Семенов, необдуманно обидели человека, который не в пример вам делает все для всех.

— Допустим, с некоторыми закидонами, — подхватила Ниночка, — Но у кого из нас их нет!

Ц. СОЛОДАРЬ

«ДУША ОБЩЕСТВА»

стович. — В нашей кипучей жизни они далеко не всегда оправдываются. Вот великий Чехов утверждал, что белая водка делает нас красным, а репутацию — черной. Но взгляните на меня: хотя я за свою жизнь отведал огненной жидкости гораздо больше, чем вы, дорогая Ниноч, коровье молоко, нос у меня отнюдь не красный, а белизны моей репутации могла бы позавидовать неизвестная сестрица товарища Семенова, из-за которой в нашей спянской семье, чузвству, заваривается беспринципная склока...

— Почему же склока, милейший? — послышался воркующий голос старшего научного сотрудника Ильи Николаевича. — Вспомните, как на последнем нашем, можно сказать, пикнике вы под чарующую песню «И за борт ее бросает в набегавшую волну» выбросили в реку мою фамильную гитару...

— А на серебряной свадьбе Владимира Марковича, — припомнила Тамара Степановна, — намалевали струей вермута на белоснежной скатерти цифру 25.

— Где пьют, там и льют, — поспешил отпаривать Крышечкин.

— Оставьте, пожалуйста, ваш алкогольный, можно сказать, фольклор! — В голосе Ильи Николаевича можно было уловить явную неприязнь. — Сейчас вы еще процитируете: «Пьян, да умен — два угода в нем», хотя ничего маломальски умного в нетрезвом состоянии не совершили!

— Вы путаете, дорогуша, нетрезвое состояние с веселым, — начал было Крышечкин, но его хмуро прервала Ниночка: — Я тоже, пожалуй, не езжу на вылазку. Помните, Сергей Модестович, весной нас в электричке из-за вас чуть не оштрафовали.

— Одумайтесь, друзья, — попытался урезонить спорщиков мягкосердечный Владимир Маркович. — Что ж это получается?

предил ее, что не пригласить Крышечкина мне неудобно...

В продолжение разговора извлекли смету и меню.

— Вот, послушайте, чем нас собирался потчевать в воскресенье наш признанный тамада. «Водка — 3 литра, коньяк — 1,5 литра, рябиновка — 1 литр, зубровка — 1 литр, перцовка — 1 литр, минвода — 2 бутылки, томатный сок — 0,75 литра...»

— Это не меню, это, можно сказать, следовательский протокол! — возмущенно прервал его Илья Николаевич. — Уничтожьте эту компрометантную бумажку, Семушка, и поставьте полярно противоположное меню! Учтите витаминность фруктовых соков и, составляя смету...

— То есть как это — я? — удивился Семенов. — я в жизни не составлял ни меню, ни смет!

— Ну и что стога! — невозмутимо заметила Ниночка. — Диссертаций вы тоже никогда не писали, однако сейчас пишете.

— А сделать закупки вам поможет сестрица, — поддержала младшую лаборантку старшая. — Она ведь у вас на каникулах, и ей так приятно будет походить по магазинам...

— Ей приятнее будет пойти на «Лебединое озеро», — возразил Семенов. — У них в городе нет театра оперы и балета.

— Конечно, балет воспитывает эстетический вкус, — согласилась Тамара Степановна, — но женщина смолodu должна учиться делать закупки к праздникам...

— Под руководством более опытной хозяйки, — подхватил Семенов. — Вместе с вами Катюша охотно походит по магазинам.

— Просто удивительно, Семушка! — разволновалась старшая лаборантка. — вы прекрасно знаете: в лаборатории запарка, и мы с Ниночкой не можем вырваться на примерку в ателье, не говоря уже о парикмахерской! А вы...

— А вы не прочь отрядить нас еще и на вокзал за билетами, — гневно взглянула на будущего кандидата Ниночка. — Там по воскресеньям очередь знаете какая!

— Крышечкин почему-то получал билет вне очереди, —

Раньше почему-то все брал на себя Сергей Модестович, — тихо ответил застенчивый ассистент.

— Почему же на этот раз он не берет все на себя? — широко раскрыла глаза Тамара Степановна.

— Спросите об этом у товарища Семенова, — готовно ответила Ниночка. — Это он с бухты-барухты набросился на Крышечкина.

— И морально, можно сказать, травмировал его, — нахмурился Илья Николаевич.

— В результате чего мероприятие, уже отмеченное стеной печатью, — неожиданно громко заявил Владимир Маркович, — может быть сорвано.

— Впервые за столько лет! — всплеснула руками Ниночка. — Нина! — с шекспировской трагедийностью воскликнул Семенов. — Но вы же первая поддерживали меня!

— Это, Семушка, уже, можно сказать, демагогия чистойшей воды, — наставительно изрек старший научный сотруд-

— Любезная, можно сказать, личность, — уверенно добавил Илья Николаевич.

— Крышечкин — душа общества, — без тени застенчивости внес свою лепту в набор лестных эпитетов Владимир Маркович.

— И когда вы, Семушка, защититесь, — пошла по второму кругу Тамара Степановна, — то на коленах будете умолять Сергея Модестовича взять на себя организацию банкета.

— Зато уж банкетец, — продолжила Ниночка, — он сварганит вам на славу.

— А если и выпьет больше других на энное количество граммов или других единиц измерения, то от чистого, можно сказать, сердца.

— Ой! — послышался вдруг надрывный фальцет Владимира Марковича. — Ой! Репутация нашего коллектива на краю пропасти! Стенгазета напечатает про нас в отделе «Каленым утюгом»... — И взволнованно пояснил встревоженным сослуживцам: — Если сорвется наша коллективная вылазка, Крышечкин может поехать за город индивидуально! И на обратном пути, когда он будет в полном одиночестве, может... ой, страшно выговорить!.. может угодить в вытрезвитель!

— И ответственность падет на нас, — с мрачной торжественностью провозгласила старшая лаборантка.

— Можно сказать, коллективная ответственность.

Пронзенный осуждающими взглядами, Семенов с детской растерянностью залепетал:

— Я признаю... Я извинюсь перед товарищем Крышечкиным... Вылазка состоится... Катюша поедет... Я прикажу ей чокаться с тамадой... А чтобы наш дорогой Сергей модестович имел полную возможность спокойно заняться подготовкой нашего коллективного праздника в честь Дня геолога, я... я завтра отдежурю за него... И в четвертом квартале — тоже!

Звонок на окончание обеденного перерыва заглушили дружные аплодисменты. Их заслуженно приняла на свой счет появившаяся на пороге улыбающаяся и весьма молодцеватая «душа общества».

